

— Я — Уй. Я ждал вас, — тонким, высоким голосом объявил он, подчеркивая свое официальное положение. — Как тебя зовут? — спросила Дзюэцу. — У меня его нет. Пожалуйста, зовите меня просто Уй, — ответил он. Дзюэцу подумала, что у него должно было быть имя до того, как он стал Уй, но лишь кивнула, не произнеся ни слова. Уй достал из кармана ключ и вставил его в замок. Тот повернулся с легким щелчком, и Эй Сей с Уи вместе толкнули металлическую дверь. Она скрипнула, открываясь. — Я не могу войти внутрь, поэтому подожду вас здесь, — сказал И Сей. — Пожалуйста, будьте осторожны, не повредите сокровища. На словах «пожалуйста, будьте осторожны» был сделан явный акцент, но Дзюэцу проигнорировала его. Она не ребенок, чтобы ее поучали. Уй почтительно пригласил ее войти внутрь. Дзюэцу переступила порог и огляделась. Помещение было небольшим, но на полках, выстроенных вдоль стен, стояло множество коробок разных размеров. В воздухе витал тяжелый, душный запах, возможно, из-за отсутствия окон. Остановившись посреди комнаты, Дзюэцу заметила, что на левой стене не было полок. Всю ее занимала картина. На ней был изображен круглый остров, почти идеальная окружность, окруженный волнами, вероятно, символизирующими море. Они были выкрашены в глубокий синий цвет. На восточном и западном краях моря виднелись что-то вроде лесов с фруктовыми деревьями. И там, и там располагались дворцы богов. Это была карта. Старая, выцветшая картина. Краски, вероятно, так хорошо сохранились благодаря тому, что хранилище было темным. Однажды Рэйдзю показывал Дзюэцу подобную картину. Круглый остров был страной Сё. — Леди Вороний Супруг. Пожалуйста, сюда, — Уй позвал ее из глубины комнаты. Она подошла к нему и увидела, что он держит в руках небольшую деревянную шкатулку. Она была достаточно мала, чтобы уместиться в обеих его руках. Уй поставил ее на стол рядом с собой и открыл крышку. Дзюэцу увидела внутри драгоценный камень — красный оникс. — Этот камень — кулон принцессы Мэйдзю, — произнес Уй. — Принцесса Мэйдзю...? — переспросила Дзюэцу. — Она была второй принцессой последнего императора династии Ран. Известна как великая красавица, — ответил Уй ровным, высоким голосом. В его голосе не было интонаций, он словно деревянно пересказывал все по памяти. — Она умерла в возрасте двадцати четырех лет. Когда Запретная армия вошла во внутренний дворец, она не захотела попасть в руки врага и умерла под ивой, вонзив себе в горло клинок. Именно этот кулон был на ней в тот момент. — Под ивой... — глаза Дзюэцу расширились. — Ты говоришь правду? — В то время я тоже был уи, поэтому хорошо знаком с этим вопросом. Нож, которым она совершила преступление, лежит здесь, — Уй открыл другую коробку, стоявшую на столе. В ней лежал небольшой нож в ножнах, украшенных нефритом. — Это книга подношений, — Уй указал на свиток, лежащий на столе. Он был раскрыт на странице, где были записаны эти два предмета. Действительно, они были обозначены как «кулон принцессы Мэйдзю» и «нож принцессы Мэйдзю». — ...Вы сказали, что она умерла в возрасте двадцати четырех лет? Значит, принцесса, прославившаяся как великая красавица, жила во внутреннем дворце, не выходя замуж в таком возрасте? — спросила Дзюэцу. — Это действительно так, — подтвердил Уй. — А почему? Он слегка наклонил голову. У него не было ничего, что можно было бы назвать выражением лица. Он был похож на хорошо сделанную куклу, наклонившую голову. Дзюэцу считала Кошуна невыразительным, но он был гораздо более человечным, чем этот евнух. — Не знаю, — ответил Уй и тут же вернул голову в исходное положение. — Не хотите ли посмотреть фотографию принцессы Мэйдзю? Недоумевая по поводу неуживчивости Уи, Дзюэцу кивнула. Уи бесшумно исчез среди полок и через некоторое время вернулся со складной ширмой. Она казалась Уи тяжелой для его маленького роста, но он нес ее легко. Он открыл ее перед Дзюэцу. Это была складная ширма с шестью панелями. На каждой панели был изображен портрет человека. Среди них были как женщины, так и мужчины. Все они были молоды и красивы. — На этой складной ширме изображены шесть человек, которых прославили как особенно красивых даже в клане Ран. Принцесса Мэйдзю находится здесь, — Уй указал на крайнюю левую панель. На ней была изображена красивая женщина в голубом одеянии с подвязанными серебристыми волосами. Ее стройные конечности выглядели хрупкими, но линии белых щек и глаз были мягкими, а их изящество —

непревзойденным. Ее облик напоминал мягкий нефрит, сияющий, как капли росы. Это был тот самый призрак, которого она видела под ивой. Правда, впечатление было совсем другим, ведь она не была залита кровью. В булочке принцессы Мейдзю был необычный аксессуар — гребень из молочно-белого тонированного стекла. Он был выполнен в форме волн и цветов пиона. На портрете она нежно держала руку на расческе. — ...Это стеклянная расческа здесь? — спросила Дзюсэцу. Когда она спросила об этом Уй, он приблизил лицо к портрету и прищурился. Затем он повернулся к Дзюсэцу. — Нет, этой расчески здесь нет. — Не здесь? Такой ценной вещи? — удивилась Дзюсэцу. — В то время из внутреннего дворца было вывезено много сокровищ. Многие прекрасные предметы разбросаны и потеряны, — пояснил Уй. — ...Понятно, — кивнула Дзюсэцу. Размышляя, она посмотрела на откидной экран. На панели рядом с принцессой Мэйдзю была изображена девочка, которая казалась моложе ее. Неужели эта невинная девушка, одетая в золото и драгоценности, тоже стала жертвой безжалостных клинков? Рядом с ней сидел мальчик, на вид ровесник, на соседней панели — молодой человек лет двадцати, а рядом с ним — женщина, на вид тоже лет двадцати. А на самой правой панели... Ее взгляд остановился на панели в правом конце. На ней был изображен молодой человек. Он был красив, одет в голубую мантию, серебристые волосы распущены и струились по спине. В отличие от того, кого видела Дзюсэцу, в его глазах не было и тени меланхолии. Он был холоден и неприкосновенен, как ясная луна. Это был Хёгетсу. — Это императорский внук Хёгетсу, — сказал Уй, проследив за взглядом Дзюсэцу. — Он был знаменитым колдуном. Его красота, прежде всего, считалась самой прекрасной в императорской семье. Анекдоты, которые рассказывал Уй, были такими же, как и те, что она слышала от Кошуна. Его монотонная манера говорить напоминала журчание воды, и Дзюсэцу подумала, не запомнил ли он в голове всевозможные исторические факты и анекдоты. — Понятно. Я много слышала, — сказала Дзюсэцу, закончив слушать про Хёгетсу. Решив вернуться, она направилась к двери, но снова остановилась перед настенной картиной. Она окинула его взглядом и снова начала идти. — Спасибо за помощь, — сказала она, обращаясь к Уй.